

Н. С. Бондарь¹

ПРЕОДОЛЕНИЕ КРИЗИСА СОВРЕМЕННОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА ЧЕРЕЗ ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Геополитические изменения современного мира, имеющие, безусловно, конституционное значение (хотя и не всегда положительное), характеризуются углублением системного кризиса конституционализма в самых различных его проявлениях — как институциональных,

¹ Судья Конституционного Суда РФ, заведующий кафедрой муниципального права и природоохранного законодательства Южного федерального университета (Ростов-на-Дону), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ. Автор около 300 научных публикаций, в т. ч. книг: «Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации», «Конституционализация социально-экономического развития российской государственности (в контексте решений Конституционного Суда РФ)», «Местное самоуправление и конституционное правосудие: конституционализация муниципальной демократии в России», «Конституционная ценность избирательных прав граждан России», «Конституционно-судебная защита социально-трудовых прав с участием профсоюзов», «Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия» и др. Автор-учредитель постоянно действующей серии изданий «Библиотечка судебного конституционализма».

функциональных, так и ценностных, аксиологических. Это сопровождается обострением противоречий, усилением непримиримой конкуренции между некогда признаваемыми священными принципами и конституционными ценностями демократии, прав человека, верховенства права, государственного суверенитета и «современным» пониманием «национальных интересов» (и «правом» на их отстаивание в любой точке мира), новыми требованиями безопасности личности, общества, государства в условиях глобальных угроз, с которыми столкнулось человечество в XXI веке.

Соответственно это объективно предопределяет потребность в новой философии конституционализма, выработке принципиально новых подходов к обоснованию неких интегральных мировоззренческих, нравственно-этических, социально-экономических, политических основ современного конституционализма. Одновременно это предопределяет новые требования и к гносеологии современного конституционализма,

к процессу его познания на основе как общих закономерностей, так и национально-исторических особенностей конституционного развития современных государств.

1. Социокультурный плюрализм — методологическая основа оценки состояния современного конституционализма

Неизвестный ранее ни одной другой исторической эпохе динамизм, стремительность обновления как политических, социально-экономических, нравственно-этических, клерикально-конфессиональных, так и конституционных основ государственной и общественной жизни (с чем с особой остротой столкнулись государства, возникшие на постсоветском пространстве) объективно предопределяют необходимость поиска новых подходов к их исследованию, дополнения догматических методов изучения нормативно-правовой, публично-властной составляющей конституционализма социологическим, историческим, нравственно-этическим, философско-мировоззренческим методами познания сложных, комплексных по своей природе, явлений конституционно-правовой действительности. Только на базе таких широких подходов становятся возможными выявление и оценка внутренних связей, общих закономерностей и социокультурных особенностей современного глобализирующегося конституционализма. И это не случайно: сама конституция является социокультурным отражением и порождением противоречий общества и государства, правовым средством и юридической основой их разрешения. Поэтому главный методологический вопрос, возникающий при анализе любой конституционной системы в контексте глобальных проблем современного мира, — это культурно-исторические основы юридического механизма реализации общепризнанных конституционных ценностей.

Особое значение это имеет применительно к России, где демократия всегда была, по словам Н. Бердяева, «одухотворена»¹. Она являет собой такую систему общественных отношений и ценностных ориентиров, в рамках которой как человеческие поступки, так и действия публичной власти (на любом уровне ее реализации) рассматриваются и оцениваются прежде всего с точки зрения добра и зла, справедливости и несправедливости, совести, греховности, чести, долга, человеческого достоинства, других категорий нравственности, не обязательно получающих формально-юридическое закрепление, но не утрачивающих от этого своей общеобязательности, нравственно-этической нормативности.

Культурологический метод исследования, реализация которого возможна только в условиях диалога, взаимодействия и взаимопроникновения правовых культур, должен стать одним из основных в современной концепции философии конституционализма; только благодаря данному методу становится возможным проникнуть в сущностные пласты политико-правовых явлений и, более того, продуцировать новые знания о социальной и правовой действительности. К тому же нельзя забывать достаточно очевидную (по крайней

мере, для объективных исследователей) истину, что никакая рациональная формально-юридическая аргументация не может быть свободной от национальной культуры, нравственности.

В этом плане нынешнее состояние философии конституционализма может быть охарактеризовано, говоря словами философа права И. А. Ильина, как утрата веры в спасительный методологический монизм и переход к принципиальному признанию методологического плюрализма². Предполагается, что различные концепции, подходы к праву при переходе к реальному конституционализму приобретают значение действенных доктринальных средств в той мере, в какой они могут быть аутентично интегрированы в социокультурное пространство конституционно-правового регулирования, что требует своего рода «коммуникативно-интегрированного» или (что особенно значимо для конституционного исследования правовых систем) конституционного правопонимания³. Это объективно предполагает признание и утверждение философско-мировоззренческого плюрализма — и как доктринального метода исследования, и как важнейшего (конституционно значимого) принципа нормативно-правовой системы организации и функционирования всей системы демократической государственности.

Это в полной мере отвечает универсальной природе понятия «конституционализм»: оно способно охватывать своим содержанием как собственно правовые явления, так и неюридические (в том числе предюридические, постюридические), равно как и «метаюридические» феномены социального, экономического, политического, культурного характера. Причем не только в той мере, в какой они выступают *социокультурной предпосылкой формирования конституционализма*, но и в качестве *имманентных его характеристик* (социальных, культурологических, нравственно-этических и т. п.), институциональной *нормативно-регулятивной подсистемы конституционализма* и одновременно *средой его существования и развития*, что решающим образом влияет на основополагающие конкретно-исторические характеристики данного явления.

В этом смысле философское осмысление современного российского конституционализма имеет не только фундаментальное научно-методологическое, но и прикладное значение. Имеется в виду понимание соответствующей социальной практики и как сферы реализации философии современного конституционализма, и как институционального средства ее развития, когда, в частности, решения Конституционного Суда РФ (в дальнейшем — КС РФ) приобретают значение материализованного (нормативно-доктринального) воплощения социокультурного

² См.: Ильин И. А. Понятия права и силы (Опыт методологического анализа) // Ильин И. А. Собр. соч. : в 10 т. М., 1994. Т. 4. С. 9–10.

³ В российской правовой науке эти подходы исследованы с разных позиций, например: Крусс В. И. Теория конституционного правопользования. М. : Норма, 2007; Поляков А. В. Общая теория права. Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. СПб., 2004; Мальцев Г. В. Понимание права. Подходы и проблемы. М., 1999.

¹ См.: Бердяев Н. А. Судьба России. М., 1990. С. 211.

отражения и философского осмысления современного конституционализма.

Что же касается самого понятия категории «конституционализм», то можно долго дискутировать по поводу смысловых и структурных его характеристик, принципов, свойств, чтобы выработать универсальное и приемлемое определение; однако вне зависимости от этого все мы прекрасно знаем, что означает отсутствие в обществе и государстве конституционализма. И это не случайно: весьма высок удельный вес в этом явлении воспринимаемых на уровне не столько юридических знаний, сколько веры, убеждений, обычаев и традиций, нравственных, этических требований Справедливости и Правды. Показательны в этом плане слова апостола Павла о том, что никто не может оправдываться тем, что не знал, как поступить в своей жизни, потому что нравственный закон написан в сердце каждого человека; люди, «не имеющие закона, по природе законное творят»: «дело закона у них написано в сердцах»¹.

Это присутствует, в конечном счете, как при исследовании онтологических, аксиологических, гносеологических и иных проблем философии конституционализма, так и при попытке «доктринального опредмечивания» категории «конституционализм» в теории и практике конституционного правосудия.

2. Конституционализм как философско-правовая категория: единство публично-властных и социокультурных начал

При всем многообразии подходов к определению понятия конституционализма² очевидно, что традиционный для научной литературы подход к конституционализму как юридической, политико-правовой проблеме недостаточен. Это слишком сложное понятие, чтобы отдавать его на откуп одним юристам. Как одна из универсальных философско-правовых категорий, конституционализм призван отражать важнейшие (универсальные) ценности современной цивилизации, которые в концентрированном виде проявляются в закономерностях демократической организации общества и государства на основе триединого баланса таких явлений, как «власть—собственность—свобода» в режиме верховенства права, признания и защиты прав и свобод человека и гражданина, следования морально-нравственным императивам, сложившимся в обществе и государстве. В более конкретном, схематично структурированном плане конституционализм как философско-правовая, социокультурная и нравственно-этическая категория предстает следующим образом.

¹ Цит. по: *Сорокин В. В.* Совесть как элемент русского православно-правосознания // Государство и право. 2011. № 6. С. 23. Подробнее см.: *Папаян Р. А.* Христианские корни современного права. М.: Норма, 2002.

² См. об этом, напр.: *Берман Г. Дж.* Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998; *Шайо А.* Самоограничение власти (краткий курс конституционализма). М., 1999; *Кравец И. А.* Российский конституционализм: проблемы становления, развития и осуществления. СПб., 2004; *Кутафин О. Е.* Российский конституционализм. М., 2008; *Рассел Г.* Конституционализм: опыт Америки и других стран. URL: <http://www.infousa.ru/government/dmpaper2.htm> (дата обращения: 09.03.2009).

Во-первых, в качестве доктринального конституционализма как особой философско-правовой теории, системы политико-правовых идей и концепций, которые предстают одновременно и как учение о конституции, конституционных основах организации власти, и как определенная система нравственно-этических представлений о справедливости и равенстве, свободе и ответственности, добре и зле и соответственно характере отношений между обществом, государством и личностью в режиме признания (либо непризнания) этих ценностей. Это является своего рода гносеологической составляющей конституционализма. Вместе с тем при всем том, что имеется немало научных разработок о соотношении права и нравственности³, вопрос о конкретных механизмах и самой практике включения духовно-нравственных ценностей в систему действующего законодательства остается весьма актуальным. Пока, надо признать, имеют место лишь отдельные и довольно робкие попытки позитивной юридикации нравственных ценностей, их правового обеспечения как необходимых регуляторов практической жизни⁴.

Во-вторых, данная философско-правовая категория воплощает в себе *нормативно-правовой конституционализм* как систему конституционного позитивизма, которая представляет собой государственно-иерархическим образом организованное нормативно-правовое пространство конституционализма, основанное на нравственно-этических, социокультурных ценностях народа и подчиненное Конституции как высшему формально-юридическому императиву общества и государства. Сама же Конституция выступает в этом случае как своего рода нормативно-правовое ядро конституционализма.

В-третьих, это *онтологический конституционализм*, который предстает как конституционно-правовая практика, рассматриваемая в самом широком смысле общественно-политического и государственного развития, включая, естественно, и собственно конституционную практику — законодательную, административную, судебную. Очевидно, что именно на этом уровне, в практической сфере реализации Конституции и законодательства, наиболее остро проявляется нравственный кризис современного конституционализма. В частности, в профессиональном правосознании правоприменителей безраздельно господствует юридический позитивизм, что является одним из истоков и показателей нравственного кризиса современного конституционализма, включая его ценностные характеристики. В конституционном плане есть основания для постановки вопроса не просто о профессиональной юридической этике (следователя, судьи, государственного или муниципального служащего), а о внедрении в профессиональное и общественное правосознание конституционной максимы: *несправедливое решение*

³ См., напр.: *Мальцев Г. В.* Нравственные основания права. М.: Изд-во СГУ, 2008; *Лукашева Е. А.* Право, мораль, личность. М., 1986.

⁴ К такому можно отнести принятие в ряде субъектов Российской Федерации, с учетом их национальных и исторических особенностей, специальных законов об охране личной и общественной нравственности (это, например, Республика Дагестан, Республика Саха (Якутия), Алтайский край, Красноярский край).

не может быть конституционным. Адресатом этой нравственно-этической в своей основе, но имеющей, безусловно, конституционное значение максимы должны быть все правоприменители, включая носителей законодательной, исполнительной, судебной власти, и все общество.

Наконец, *в-четвертых*, конституционализм как философско-правовая и нравственно-этическая категория воплощает в себе также характеристики одной из форм *общественного сознания*, которая отражает единство конституционной психологии и конституционной идеологии и, в свою очередь, выступает решающей предпосылкой формирования нового типа юридического видения действительности — *конституционного мировоззрения*. Конституционализм определенным образом оформляет стихийно-правовой опыт в нормативно-концептуальную модель, основанную на ценностях верховенства права, прав человека, социальной справедливости и равенства всех перед законом, социального правового государства, разделения властей, политического, идеологического и экономического плюрализма и тому подобного, и в рамках этой модели реализует различные функции мировоззренческого, ценностно-ориентационного, нормативно-регулятивного и воспитательно-образовательного характера. В частности, он организует и структурирует общественное и индивидуальное правосознание, правовую философию. В этом плане конституционализм как особая сложносоставная аксиологическая, телеологическая и праксиологическая система сам по себе является одной из универсальных нематериальных ценностей цивилизации, входит в этом качестве в состав мирового культурного наследия всего человечества, с одной стороны, и является национально-культурным достоянием каждого отдельного народа, нации, государства — с другой. Нельзя, однако, не признать, что это, пожалуй, одна из тех сфер конституционализма (особенно если иметь в виду, что к ней тесно примыкает конституционно-правовая политика), которая в наименьшей степени и порой достаточно откровенно склонна «не замечать» нравственные ориентиры, впрочем, как и конституционно-правовые регуляторы и ограничители.

Мнимым «оправданием» данной ситуации может служить то обстоятельство, что конституционализм нельзя рассматривать как порождение государства и находящееся под государственным контролем явление; государство не может и не в состоянии «учредить», «декретировать», «установить» своими законами желательный для него образ конституционализма, хотя оно (государство), безусловно, должно прилагать необходимые усилия к развитию в целесообразном для себя направлении конституционализма. *Конституционализм есть объективно складывающийся порядок реальных общественных отношений*, который основан на признанных самим обществом нравственно-правовых требованиях справедливости и меры достигнутой свободы, недопустимости произвола и насилия. Данный порядок формируется на основе внутреннего содержания самих по себе этих отношений, что превращает их в носителей справедливости и критерий меры свободы.

Тем самым отношения, составляющие конституционализм, обретают способность воплощать в себе определенные требования, нормативные модели поведения граждан, должностных лиц, государственных органов и государства в целом в соответствии с идеалами справедливости и свободы.

Не умаляя значение других ветвей власти, представляется обоснованным отметить важную роль судебной власти, в особенности органов конституционного нормоконтроля, в развитии, в частности, аксиологических начал современного конституционализма, в соединении формально-юридических и нравственно-этических, культурологических элементов конституционализма.

3. Преобразовательно-культурологическая функция конституционного правосудия и необходимость ее усиления в условиях системного кризиса современного конституционализма

Кризис современного конституционализма связан не только с углублением противоречий, усилением конкуренции между классическими принципами, конституционными ценностями демократии и новыми вызовами современной эпохи, новым пониманием международного правопорядка, вплоть до провозглашения права на осуществление «в интересах демократии» «бархатных», «оранжевых» революций, «арабской (et cetera) весны» с внесезонными потоками крови; в этом же ряду находятся декларирование и стремление конституировать в качестве универсальных новых, нетрадиционных для классического конституционализма идей, ценностных ориентиров свободы, демократии, как то: требование полного «равенства» сексуальных меньшинств, признание однополых браков и т. п.

Это предопределяет новые требования к гносеологии современного конституционализма, что особенно ярко проявляется (если иметь в виду, в частности, политико-правовую, культурологическую сферу) в конституционном правосудии. Современность ставит перед конституционным правосудием новые трудные задачи. На их решение все более ощутимо влияют общие тенденции мирового развития конституционализма, в том числе процессы правовой глобализации, с одной стороны, и объективное усиление в этих условиях (в качестве противовеса первым) социокультурных факторов национального конституционного развития — с другой. В этом плане конституционное правосудие, в отличие от других форм судопроизводства, объективно обречено на необходимость осуществления своих функций в тесном единстве нормативно-правовых, позитивистских оценок и широких социокультурных подходов — как при анализе обстоятельств и условий социальной действительности, в которых реализуются проверяемые на соответствие Конституции РФ нормы текущего законодательства, так и при оценке самих по себе проверяемых нормативных правовых предписаний. Ведь глубинное содержание последних невозможно уяснить без учета конкретно-исторических условий возникновения, принятия этих норм (историческое толкование), особенностей их

действия во всей системе как юридического, так и иных форм нормативного (нравственно-этического, конфессионально-религиозного и т. п.) регулирования в национально-специфических условиях нашего общества и государства (систематическое толкование) и т. д.

Своего рода рефлексивной реакцией конституционного правосудия на столь сложные процессы и динамизм современной эпохи является тенденция к перераспределению основных функций конституционного правосудия — от чисто охранительной деятельности к активному использованию преобразовательного потенциала конституционно-судебной деятельности.

Это, естественно, не противоречит тому, что традиционная оценка конституционного правосудия как хранителя конституции и всей системы конституционализма сохраняет в основе свое значение. Вполне обоснованным представляется тезис о том, что *охранительная функция органа конституционного контроля есть отражение глубинной природы европейской (кельзеновской) модели конституционного контроля в узком смысле этого слова* — как оценки (в рамках установленных процедур) законов, иных нормативных правовых актов, подпадающих под юрисдикцию конституционно-судебного органа, на их соответствие конституции. В этом плане в рамках охранительной функции, в частности, КС РФ обеспечивает, как это прямо закреплено в ст. 3 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», защиту, во-первых, основ конституционного строя и, во-вторых, прав и свобод человека и гражданина. Оба эти направления деятельности являются, как подтверждается практикой Суда, одинаково важными, хотя, кстати, если их сопоставлять на основе количественных показателей рассмотренных дел, то можно сделать безусловный вывод, что преобладающую часть дел КС РФ составляют дела, характеризующие КС РФ как правозащитный орган: не менее 80 % его решений напрямую связаны с защитой прав человека, при этом около 95 % всех дел сегодня рассматриваются в порядке конкретного нормоконтроля.

Вместе с тем успешное и последовательное обеспечение верховенства и прямого действия конституции (а именно это является целью конституционного судебного контроля) не может быть обеспечено в рамках только и исключительно охранительных направлений деятельности соответствующих органов. В условиях новых конституционных вызовов современной эпохи особую актуальность приобретает проблема гарантирования и гармонизации с помощью средств конституционного нормоконтроля *ценностей конституционной стабильности*, с одной стороны, и *ценностей развития, модернизации конституционно-правовых систем* — с другой. Теперь конституционные суды гораздо чаще, чем раньше, призваны преодолевать коллизии конституционных ценностей, выстраивать их приоритеты. При этом искомый баланс конституционных ценностей носит динамический, постоянно меняющийся характер.

Не менее важными с точки зрения необходимости усиления преобразовательных функций современно-

го конституционного правосудия являются активно развивающиеся *процессы взаимодействия и в определенной мере интеграционного взаимопроникновения национальных институтов конституционного контроля с международной, в особенности европейской конвенционной, юрисдикцией*. При этом процессы правовой интеграции объективно нуждаются в конституционных оценках, выработке механизмов преодоления неизбежных противоречий и конфликтов — на уровне как национальных государственно-правовых систем, так и международно-правовых юрисдикций. Главными сферами возникающего в связи с этим нормативно-правового интеграционного взаимодействия на европейском континенте становятся европейские институты международного публичного права, с одной стороны, и национальные институты конституционного права — с другой. Имеется в виду, что в современных условиях эти две отрасли — международное публичное и конституционное право — регулируют отношения, во многом сходные по своей природе и значительно совпадающие по сферам. Именно на этой основе становится возможным возникновение качественно нового транснационального правового явления, связанного с формированием *европейского конституционализма*. При этом важно учитывать, что европейский конституционализм не есть некий региональный «правоглобализм» в европейских масштабах. Это качественно новая философско-мировоззренческая, культурологическая категория, призванная отразить не столько наднациональную правовую универсализацию, сколько *национально-конституционную интеграцию* государственно-правовых систем Европы в режиме диалога культур на основе взаимообогащения при сохранении суверенитета правовых систем. Этому обстоятельству не противоречит и тот факт, что европейский конституционализм естественным образом (не только в силу глобальных для европейского правового пространства последствий, но и по самой своей природе, с учетом обретения новых качеств) выходит далеко за пределы простого (суммарного) сложения национальных конституционно-правовых систем. В этом плане он нуждается в неких универсальных, международно-правовых, доктринальных, нормативных и правоприменительных решениях.

Закономерным ответом на все эти сложные процессы развития современного конституционализма является постепенный отход в деятельности органов конституционного правосудия от традиционно используемых линейных методов конституционного контроля (простая дисквалификация проверяемых норм с точки зрения их текста) и усиление внимания к духу конституции, ценностям современного конституционализма в целом. Это предполагает использование более тонкого инструментария конституционного правосудия, который позволял бы защищать, поддерживать баланс признаваемых конституционных ценностей без операционного вторжения в нормативно-правовую ткань государственности, правовых институтов свободы и демократии.

4. Гармонизация буквы и духа Конституции в режиме диалога культур как условие обеспечения баланса конституционных ценностей

Сама по себе проблема гармонизации буквы и духа конституции имеет отнюдь не конъюнктурно-политическое значение, как это нередко представляется, и тем более не формально-юридическое, а широкое социокультурное значение. В основе соответствующих подходов лежит учет глубинных, существенных характеристик конституции как документа, призванного обеспечивать баланс власти и свободы в обществе и государстве. Учитывается, что конституция, *во-первых*, — порождение социальных противоречий данного общества; *во-вторых* — отражение и в какой-то мере позитивное закрепление, признание этих противоречий; *в-третьих*, она (конституция) воплощает юридический механизм преодоления, разрешения социальных противоречий, конфликтов и коллизий.

Эти глубинные по своей природе характеристики конституции коренятся не только в ее тексте, но прежде всего в духе конституции. Соответственно и развитие, преобразование конституции не может сводиться исключительно к изменению, корректировке самого по себе ее текста.

Что же касается духа Конституции, то его воплощением являются такие сакральные по своим нормативно-правовым характеристикам категории конституционного права, как конституционные принципы, конституционные основы (начала), конституционные ценности. Особое значение имеет в этом ряду категория ценностей¹. Она позволяет обнаружить («снять») в сфере конституционализма некий идеализированный слепок (модель) аксиологических конституционных и одновременно — культурологических начал, которые имеют наиболее абстрактное содержание, но вместе с тем наполнены предельно высоким уровнем концентрации нормативной (конституционно значимой) энергии, ориентированной как на законодателя, так и правоприменителя. Ценностный характер соответствующих категорий получает подтверждение в практике КС РФ, который активно задействует аксиологический потенциал Конституции для формирования своих правовых позиций.

Другая, не менее значимая разновидность аксиологических начал современного конституционализма связана с *генерированием конституционных ценностей* прежде всего как результата конституционно-оценочной деятельности судебных органов конституционного контроля. В этом случае конституционные ценности (в отличие от ценностей самой по себе Конституции) не имеют прямого текстуального конституционного оформления, не являются формальными, эксплицитными установлениями Основного закона; их конституционное признание и значение коренятся в глубинном содержании и системно-семантических взаимосвязях нормативных положений Конститу-

¹ Бондарь Н. С. Конституционные ценности — категория действующего права (в контексте практики Конституционного Суда России) // Журнал конституционного правосудия. 2009. № 6. С. 1–11.

ции. Соответственно их конституционная значимость в условиях отсутствия конкретной «прописки» в отдельных статьях и нормах Конституции наиболее глубоко проникает в сам дух Конституции, что требует тонкого герменевтического выявления и позитивного (категориально-понятийного) оформления этих ценностей в процессе конституционно-контрольной деятельности судебных органов (прежде всего на уровне актов официального толкования или истолкования Основного закона).

В практике КС РФ получил свое обоснование целый ряд формально не зафиксированных в Конституции РФ ценностей, оказывающих фундаментальное воздействие на соответствующие общественные отношения, включая справедливость и правовую определенность², устойчивость публичных правоотношений, стабильность условий хозяйствования, поддержание баланса публичных интересов государства и частных интересов субъектов гражданско-правовых отношений³ и др.

В этом плане конституционные ценности как воплощение духа Конституции представляют собой, с одной стороны, инструментальное средство нормоконтрольной деятельности конституционных судов и, с другой, по крайней мере в определенной степени, — результат такой деятельности. Это становится возможным в силу как особого положения Конституционного Суда в системе разделения властей, так и вытекающих из этого особых характеристик его решений как источников права, позволяющих в том числе обеспечивать гармонизацию буквы и духа Конституции.

Во-первых, будучи, безусловно, органом судебной власти, в то же время КС РФ — *«больше, чем суд»*. Это проявляется, в частности, в том, что, будучи непосредственным и активным носителем судебной власти, КС РФ не может рассматриваться как квазисуд, но он является «квазиправотворческим» органом. По самой природе, существенным характеристикам и своим результатам деятельность КС РФ не исчерпывается правоприменением, а имеет значительно более сложный характер: конституционное правосудие в своих итогово-правовых характеристиках все более сближается с нормативно-установительной юридической практикой, с правотворчеством.

Во-вторых, специфика «квазиправотворческой» деятельности КС РФ такова, что решения данного органа, обладая нормативно-доктринальной природой, имеют предметом (сферой) своего влияния и одновременно формой политико-правового бытия прежде всего *нормативные величины наиболее высокого, абстрактного уровня* — общие принципы права, конституционные принципы, декларации, конституционные презумпции, статусно-категориальные характеристики субъектов конституционного права и конституционных

² См.: Постановление КС РФ от 16 мая 2007 г. № 6-П // СЗ РФ. 2007. № 22. Ст. 2686.

³ См., напр.: Постановление КС РФ от 27 апреля 2001 г. № 7-П // СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2409; Постановление КС РФ от 10 апреля 2003 г. № 5-П // СЗ РФ. 2003. № 17. Ст. 1656; Постановление КС РФ от 14 июля 2005 г. № 9-П // СЗ РФ. 2005. № 30 (ч. 2). Ст. 3200; Определение КС РФ от 21 апреля 2005 г. № 191-О // ВКС РФ. 2005. № 6; Определение КС РФ от 8 февраля 2007 г. № 381-О-П // ВКС РФ. 2007. № 5.

явлений и т. п. На этой основе, в том числе в процессе конституционно-судебного генерирования конституционных ценностей, происходят своего рода *приращение и актуализация нормативного содержания соответствующих категорий как нормативных величин наиболее высокого, конституционного уровня*, а также *установление их сбалансированного взаимодействия*. Это особенно важно, если иметь в виду, что Конституционный Суд нередко сталкивается с ситуациями, когда возникают противоречия между представлениями о различных конституционных ценностях, да и сами конституционные ценности могут восприниматься как внутренне противоречивые; это означает, что задача преодоления противоречий и коллизий, обеспечения баланса может касаться не только буквы, но и духа Конституции. Достаточно отметить такие, нередко вступающие друг с другом в конфликт конституционные принципы и ценности, как, например, ценности правового государства, с одной стороны, и ценности социального государства — с другой.

Что же касается условий (предпосылок) гармонизации буквы и духа Конституции с помощью средств конституционного нормоконтроля, то в обобщенном плане это, во-первых, учет органом конституционного правосудия социокультурных факторов национального развития, что ярко проявилось, например, при решении КС РФ вопросов о конституционности создания и деятельности религиозных¹, региональных² политических партий; во-вторых, учет конкретно-исторических условий развития национальной государственности (без этого невозможной была бы, в частности, всесторонняя оценка на соответствие Конституции РФ института главы (руководителя) субъекта Российской Федерации на различных этапах его исторического развития³); в-третьих, учет как общепризнанных ценностей современного конституционализма, так и всей системы общепризнанных принципов и норм международного права, что напрямую вытекает из ст. 15 (ч. 4) Конституции РФ и получает свою реализацию практически во всех решениях органа конституционного нормоконтроля.

5. Конституционное правосудие — генератор «живого» (судебного) конституционализма

Государственно-властная нормативно-доктринальная энергетика конституционного контроля проникает, активно воздействует практически на все компоненты современного конституционализма, все конституционно значимые сферы правового регулирования. Это и понятно: ведь «конституция, как указывается в Генеральном докладе XIV Конгресса Конференции европейских конституционных судов (Вильнюс, 3–6 июня 2008 г.), без органа конституционного контроля, обладающего полномочиями констатировать противоречие обычных правовых актов конституции,

¹ См.: Постановление КС РФ от 15 декабря 2004 г. № 18-П // СЗ РФ. 2004. № 51. Ст. 5260.

² См.: Постановление КС РФ от 1 февраля 2005 г. № 1-П // СЗ РФ. 2005. № 6. Ст. 491.

³ См.: Постановления КС РФ: от 18 января 1996 г. № 2-П // СЗ РФ. 1996. № 4. Ст. 409; от 21 декабря 2005 г. № 13-П // СЗ РФ. 2006. № 3. Ст. 336; от 24 декабря 2012 г. № 32-П // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 2). Ст. 8062.

есть *lex imperfecta*. Конституция становится *lex perfecta* только тогда, когда конституционный суд может признавать обычные законы противоречащими конституции... Только активная позиция конституционного суда обеспечивает реальную, а не предполагаемую имплементацию принципа верховенства конституции... Роль конституционного суда при обеспечении принципа верховенства конституции является основополагающей. Через конституционный контроль конституция как правовой акт превращается в «живое» право⁴ и — добавим — конституционализм превращается в «живой» конституционализм.

Практика конституционного правосудия объективирует как формально-юридическую природу, так и социальную сущность Конституции как правового акта высшей юридической силы и прямого действия. В этом плане как раз и становится возможным рассматривать образование органа конституционного контроля в качестве одной из важных предпосылок утверждения реального, «живого», а не декларативного конституционализма. Тем самым КС служит гарантом неразрывности фактической и юридической конституции, чем обеспечивается, в свою очередь, единство «должного» и «сущего» в конституционном пространстве.

При этом нельзя не признать, что конституционное правосудие как специальный судебный конституционно-контрольный институт и судебная власть вообще как кумулятивное воплощение нормоконтроля образуют один из основных атрибутивных признаков современного конституционализма, его несущую конструкцию, что придает Конституции и всей системе конституционализма необходимую степень устойчивости и динамизма. В условиях решающей роли органов конституционного правосудия для формирования и утверждения конституционных ценностей вполне можно говорить о становлении в современном мире такого явления, как *судебный конституционализм*⁵. Он может быть представлен как *особый политико-правовой режим судебного обеспечения верховенства права и на этой основе — прямого действия «живой» конституции, безусловного судебного-правового гарантирования ее ценностей, осуществляемого на основе таких фундаментальных начал современного конституционализма, как баланс власти и свободы, сочетание частных и публичных интересов, обеспечение единства социокультурных и юридических, нормативно-правовых факторов в процессе конституционализации законодательства и всей системы правопорядка в демократическом правовом государстве*.

Судебный конституционализм способствует утверждению и поддержанию конституционного правопорядка

⁴ Генеральный доклад XIV Конгресса Конференции европейских конституционных судов (Вильнюс, 3–6 июня 2008 г.) // Конституционное правосудие. Вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. Ереван, 2008. Вып. 2–3. С. 110–111.

⁵ Подробнее см.: *Бондарь Н. С.* Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М.: Норма, 2011. Идея судебного конституционализма получила определенную поддержку как в России, так и в других странах. См., напр.: *Бринцев В. Д.* Судовий конституціоналізм в Україні: доктрина і практика формування : у 2 кн. Харків : Право, 2013. Кн. I.

как высшего юридического выражения правовой социальной демократической государственности, что обеспечивается путем придания ей качества фактической (практико-прикладной) ценности, проникающей как в публично-властную деятельность, так и в процессы реализации прав и свобод человека и гражданина, во всю систему конституционного правоупотребления. Конституционный контроль выступает сущностной чертой судебного конституционализма, а учреждение и функционирование института конституционно-судебного контроля преобразует конституционализм, переводит его на качественно новый уровень практической реальности.

Именно образование Конституционного Суда — как своего рода материально-организационного, специально-целевого воплощения конституционализма — является решающим шагом на пути формирования качественно нового состояния конституционализма — судебного конституционализма. Исходя из этого для понимания судебного конституционализма и соответствующей роли конституционного правосудия в его становлении и развитии важно учитывать по крайней мере несколько моментов: во-первых, решения Конституционного Суда являются нормативно-правовой основой формирования судебного конституционализма и соответственно всей системы современного конституционализма в целом; во-вторых, конституционное правосудие и его решения — один из важных источников развития современной конституционной доктрины, модернизации государственности (доктринально-теоретический компонент судебного конституционализма); в-третьих, Конституционный Суд — генератор конституционной идеологии, творец новой конституционной культуры, конституционного мировоззрения личности и общества (идеологический компонент судебного конституционализма); наконец, в-четвертых, судебный конституционализм есть материализация конституционно-судебной практики, реального воплощения в жизнь культурологических требований и юридического верховенства Конституции, материализация конституционных ценностей в обществе и государстве (онтологический компонент судебного конституционализма).

Корни судебного конституционализма проистекают, таким образом, из сущностных характеристик Конституции, с одной стороны, и конституционного назначения судебной власти, в особенности конституционного правосудия, — с другой. Необходимость участия судебной власти в решении конституционно значимых вопросов имеет объективный характер; в общем виде она обусловлена уже самим по себе признанием судебной власти в качестве одной из основ конституционного строя, которая призвана обеспечивать верховенство и прямое действие Конституции, что подтверждается как национальной, так и зарубежной практикой.

Генерирование «живого» (судебного) конституционализма обеспечивается с помощью различных способов конституционно-судебного контроля в рамках определенных Конституцией полномочий КС РФ.

Это, во-первых, толкование норм Конституции как форма ее преобразования без изменения текста. Речь

идет как об *официальном*, так и *казуальном*, связанном с разрешением конкретных споров, толковании, чем обеспечивается не только государственно-правовая (конституционная) оценка соответствующих сфер социальной действительности, но и развитие содержания конституционных норм без изменения текста соответствующих статей Конституции и одновременно дополнительные конституционные импульсы обоснования отраслевого законодательства, конкретизирующего нормы и институты Конституции.

Во-вторых, разрешение конституционно-правовых споров, итогом результатом чего является уяснение и истолкование прямых и обратных связей между положениями Конституции и текущим законодательством, их синхронизация в соответствии с требованиями иерархичности правовой системы, с одной стороны, и обогащение, наращивание нормативного потенциала конституционных принципов и норм — с другой.

В-третьих, конституционное истолкование правовых норм отраслевого законодательства. Деятельность Конституционного Суда, связанная с осуществлением конституционного истолкования законодательных положений, является специфической формой квазиправотворческой деятельности — и не только как «негативного законодателя».

В-четвертых, выработка органом конституционного контроля рекомендаций законодателю по совершенствованию правового регулирования, что вытекает из самой природы, особенностей юридической силы таких рекомендаций. Выработанные на основе разрешения конкретных дел, эти рекомендации, не имея непосредственно обязывающего значения для нормотворческих органов, ориентируют их на последовательную и систематическую реализацию конституционных принципов и норм в законотворческой деятельности. Следовательно, непринятие во внимание, а тем более игнорирование законодателем соответствующих рекомендаций может привести к противоречивости и несогласованности законодательства в его сопоставлении с Конституцией РФ и тем самым создать угрозу нарушения конституционных прав и свобод человека и гражданина, публичных интересов и ценностей.

В-пятых, корректировка духа закона (но не буквы) обеспечивается Конституционным Судом также путем корректирования, «рихтовки» правоприменительной практики — в целях обеспечения ее единообразия и недопущения нарушения конституционного требования равенства всех перед законом. Попутно будет отмечено: конституционная «рихтовка» правоприменения — имманентно присущее конституционному правосудию свойство, что вытекает из самого понятия «рихтовка», этимологическое происхождение которого — от немецкого «Richter» (судья).

В результате реализации соответствующих подходов Конституционным Судом обеспечивается последовательная гармонизация буквы и духа Конституции, приведение ее формально-юридического нормативного содержания независимо от времени и политических условий ее принятия в соответствие с реальными отношениями политического властвования, социально-культурными характеристиками

общества и государства. Тем самым охрана Конституции, ее стабильность поддерживаются в органическом сочетании с динамизмом конституционной системы, что является подтверждением активной социокультур-

ной роли конституционного правосудия как генератора «живого» (судебного) конституционализма, условием и важной предпосылкой формирования которого является диалог правовых культур.